

НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО ВО ФРАНЦІИ.

Годфруа Кавеньянъ,
военный министръ.

Леонъ Буржуа.
министръ народнаго просвѣщенія.

М. Пейтраль.
министръ финансовъ.

РАЗДАЧА РУЖЕЙ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

На прошлой недѣлѣ въ Петинѣ состоялась раздача солдатамъ ружей, которыя черногорскій князь получилъ въ подарокъ отъ Русскаго Царя. Церемо-

ственно благословилъ ружья, которыя князь Николай I, при помощи наслѣдника княжича, самъ раздавалъ солдатамъ. «Пусть это ружье

ни эта, на которой присутствовала известная г-жа Адапъ, состоялась въблизи казармы. Митрополитъ въ золотой митрѣ торже-

будетъ счастіемъ для тебя», говорилъ онъ каждому солдату, и солдатъ кланялся, цѣлуя руку своего государя.

МОЙ БРАТЪ ГЮИ.

Рассказъ Марселя Прево.

Вдова Лярошъ г-жѣ д'Епрени. Что слышно въ Буржѣ, милая Ко-летта? Какъ тамъ поживаютъ съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда уѣхала? Что под-дымается наша маленькая вѣтренная ком-пания? Все-ли еще занимается она тѣмъ, что скандализируетъ скромную провин-цію, куда случайно попала, благодаря гарнизону или выгодному браку. А сму-глая графиня Прелы? Отыскала-ли она для вась, какія-нибудь новыя пѣсенки восем-нацатаго вѣка, очень вольныя, и про-пѣла-ли она ихъ вамъ своимъ чистымъ голосомъ. Удалось-ли полковницѣ плѣ-нить субъ-лейтенанта С.Ремп, скром-наго ученика Вожирара.

А что наши друзья? Все-ли еще они держатъ себя съ вами, какъ гусары, а вы съ ними, какъ лоретки?

Глухая провинція! Безумствуй тамъ сколько угодно, дѣлай самыя достойныя успія, чтобы увѣрить себя въ томъ, что весело живешь, она остается все тѣмъ-же меланхоличнымъ Буржемъ, засну-вшимъ въ тѣни своего собора. Миѣ нѣтъ милый городъ до того надоѣлъ, что я съ послѣднимъ поѣздомъ отправилась въ Парижъ, въ прошлый вечеръ, никого не предупредивъ. Да здравствуетъ вдовья свобода! Будемъ открываться: не только скука выгнала меня оттуда. Развѣ я не поступила неосторожно, назначивъ у себя на завтра свиданіе капитану д'Эк-зилу. Право? Издали миѣ это казалось смѣ-шнымъ и забавнымъ, какъ все, но когда наступилъ моментъ рѣшиться—смѣшно-ли это? У меня больше никого не бу-детъ... Миѣ кажется, мы все немного таковы: мы все объ этомъ говоримъ и никогда не думаемъ, по крайней мѣрѣ, серьезно.

И вотъ я въ моемъ поѣздѣ качу ночью въ Парижъ и смѣюсь, какъ безумная, представляя себѣ, что д'Экзилъ, наду-шенный, завитой и рѣшившійся поко-рить меня, останется завтра съ носомъ передъ дверью моего отеля. Я отсюда видѣла хитрую мину моей горничной Со-ланжъ:

—Мадамъ поручила миѣ передать г. ка-питану, что она была въ отчаяніи; ма-дамъ принуждена была уѣхать въ Па-рижъ, вызванная своимъ братомъ, се-мейныя дѣла...

И я отсюда слышала проклятія капи-тана, возвращающагося домой. Соланжъ не совѣсьмъ вала; дѣйствительно, при-бывъ въ Парижъ, я велѣла везти себя къ моему брату.

Гюи занималъ чудесное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ на улицѣ des Bouries d'Ar-тоis, и устроенное... видно, что этимъ занималась женщина со вкусомъ, одна или нѣсколько.

Покидая Буржъ, я набросала телеграм-му: „Жди меня сегодня вечеромъ къ 11-ти часамъ“. Было половина одиннад-цатаго, когда я проникла въ прелестную квартиру.

Гюи въ своей уборной завязывалъ гал-

стукъ подъ бдительнымъ окомъ своего лакея.

—Что принесло тебя въ Парижъ такъ внезапно?—сказалъ онъ.

—Миленькій Гюи,—возразила я.—Не пугай меня, я измучилась въ Буржѣ. Конечно, сообразился онъ: Буржъ круглый годъ... Но я думаю, ты не мѣнешь намеренія оставаться здѣсь!

—Эту ночь, да; завтра я пошщу дру-гое помѣщеніе.

Гюи былъ очень смущенъ. Но такъ какъ онъ очень милъ и очень любитъ свою младшую сестренку, онъ сдѣлалъ довольное лицо.

—Пусть такъ, рѣшено. Тебѣ приго-товить мою комнату; я буду спать въ другомъ мѣстѣ... у одного друга. Только предупреждаю тебя, сегодня я не ужинаю съ тобой.

—О, Гюи, а я была такъ довольна! Я только что приѣхала, и ты меня остав-ляешь одну.

—Я не могу остаться съ тобой, я отправляюсь въ одно общество, въ ко-торое не вводятъ молодыхъ вдовъ.

Лакей тихо удался. Я подошла къ Гюи и сказала ему, улыбаясь:

—Ты будешь ужинать съ дамами? Точно такъ — „съ дамами и мужчи-нами“.

—Будетъ только одинъ господинъ: ты его не знаешь: румынскій дворянинъ, съ которымъ я познакомился въ Буха-рестѣ, графъ Ильдеку.

—А кто дамы!

—Люсьенна д'Аргензонъ, Фанни Ловъ и прелестная Кардоба. По вѣрѣ, что это не для моего удоволь-ствія, онѣ миѣ надоѣли, но Ильдеку непремѣнно хочетъ этого. Я ихъ пре-доставлю ему всѣхъ разомъ, чтобы онъ меня оставилъ послѣ въ покоѣ.

—Ну, хорошо, возьми меня съ собой.

Я не дала Гюи времени протестовать; я усѣлась къ нему на колѣни, и осыпая его ласками, объяснила ему, что я со-вѣсьмъ, какъ Ильдеку, что Буржъ еще болѣе удручаетъ, чѣмъ Бухарестъ, что я, какъ Ильдеку, умираю отъ желанія видѣть Фанни Ловъ, Люсьенну д'Арген-зонъ и красавицу Кардоба.

—Но, право-же, это безумье! Что, если тебя узнаютъ?

—Я буду въ густой вуали до отдѣль-наго кабинета, а тамъ ужъ нечего бо-яться: ни твой другъ, ни эти дамы меня никогда не видѣли.

—Но тамъ, можетъ быть, будутъ го-ворить скабрёзности...

—Ба! Я не Агнесса, коомъ того, если зайдуть слишкомъ далеко, ты уведешь меня.

Короче, такъ какъ время шло, а я не уступала, Гюи далъ уѣдѣть себя. Было рѣшено, что я разыграю роль маленькой безпутной провинціалки, дебютнрующей въ Парижѣ. У меня были въ чемоданѣ вечерній туалетъ, довольно элегантнй, и я нарядилась, какъ могла лучше. Гюи замѣнилъ миѣ горничную: моя идея на-чинала и его забавлять.

—Что-бъ возьми! воскликнулъ онъ, ко-гда я была готова. Ты гораздо лучше, чѣмъ эти дуры. Ильдеку потеряетъ го-лову: берегись, онъ опасенъ.

Ужинали у Жозефа; rendez-vous было назначено на часъ: Фанни Ловъ и пре-дестина Кардоба были свободны только послѣ театра. Графъ Ильдеку взялся привести д'Аргензонъ. Мы съ Гюи при-были, опоздавъ на четверть часа, по-слѣдними. О, эти взгляды, милая Ко-летта! Эти взгляды трехъ женщинъ, измѣ-няющихъ и разбирающихъ меня въ ту минуту, когда Гюи меня представлялъ: Mlle Rene, изъ Шателеро, недавно по-селилась въ Парижѣ.

Никогда еще комплиментъ мужчины не подѣлалъ миѣ такъ, какъ однове-ренная гримаса на этихъ трехъ краси-выхъ лицахъ [какъ онѣ восхитительны—эти создания!] и раздраженіе, которое онѣ не сумѣли скрыть, наѣли меня та-кой-же краской, какъ и онѣ.

Онѣ принялись за мой туалетъ; я слы-шала, какъ онѣ насмѣхались надъ нимъ, въ то время какъ Ильдеку уже воспла-мененный, осыпалъ меня любезностями.

По правдѣ сказать, онѣ были одѣты гораздо лучше, чѣмъ я, и повѣрили-ли, такъ корректно, съ такой скромной эле-гантностью лучшаго тона. Сѣла за столъ.

Я была посажена между Ильдеку и Mlle d'Аргензонъ.

Ужинъ начался. Я заплотъ выпила два бокала шампанскаго и почувствовала се-бя сейчасъ же очень свободно, готовой слушать непринципиально. Сначала гово-рили о театрѣ. Фанни Ловъ и прелест-ная Кардоба подѣлились съ нами своими взглядами на современное драматическое искусство; онѣ показались миѣ очень свѣдущими, и сдѣлали болѣе глупыми, чѣмъ наши аристократки.

Затѣмъ Люсьенна д'Аргензонъ приня-лась за обзоръ свѣта, свѣтской жиз-ни; говорили объ уменьшеніи доходовъ; „черезъ двадцать лѣтъ, объявила она, въ Парижѣ не будетъ богатыхъ людей“.

Я узнала эту послѣднюю фразу, такъ какъ слышала ее нѣсколько разъ отъ жены нашего главнаго казначея.

Гюи слушалъ все это важно и отвѣ-чалъ тѣмъ же тономъ. Только Ильдеку начиналъ напечатывать миѣ на ухо глу-пости, но этимъ глупостямъ еще далеко до обычныхъ разговоровъ д'Экзила, С. Ремп и другихъ нашихъ друзей.

Онъ довольствовался тѣмъ, что гово-рилъ миѣ съ упорнымъ восхищеніемъ о моемъ корсажѣ...

—Однако, подумала я, до сихъ поръ нашъ маленькій праздникъ идетъ слиш-комъ по семейному; очевидно, я ихъ стѣсняю, онѣ меня считаютъ глупой провинціалкой; нужно ихъ успокоить“.

И выпивъ еще стаканъ шампанскаго, я рассказала хорошенечко приключеніе, которое ты рассказала намъ вечеромъ на обѣдѣ полковника съ такимъ успѣ-хомъ.

Ахъ, Кошетта, если-бъ ты видѣла лица этихъ испорченныхъ женщинъ и стара-ніе сдѣлать видъ, что онѣ не слышали, и негодующій шепотъ, когда я ихъ Гюи, очень красивый, нашель, что онъ долженъ извиниться за меня передъ своей сосѣдкой Фанни Ловъ! „Понимаете, она еще не знаетъ; послѣ она будетъ лучше держать себя“.

Но Ильдеку смѣялся отъ души. „О,

очень смѣшно, очень забавно! Это по-парижски! Она прелестна“. И вдругъ я почувствовала, что его нога хочетъ подъ-столымъ вступить въ разговоръ съ моею.

Это меня стѣсняло немного; я не люб-лю, чтобы мужчины позволяли себѣ та-кія вольности безъ разрѣшенія, но я го-ворила себѣ: очевидно, такъ принимаютъ. Если я воспротивлюсь, то угадаютъ, что я не принадлежу къ ихъ обществу.

Итакъ, Ильдеку продолжалъ свои развѣлки, не встрѣчая болѣе сопротив-ленія, какъ вдругъ мы услышали, какъ Фанни Ловъ язвительно воскликнула, сильно ударивъ по рукѣ Гюи:

—Скажите, мой милый, скоро-ли вы пе-рестанете портить ногами мое платье? Вы думаете, что находитесь въ Шате-леро? Шателеро! Это было для меня сказано; я поняла и быстро отступила, къ большому огорченію Ильдеку, ко-торый съ удивленіемъ и отчаяніемъ вра-щавъ своими прекрасными черными гла-зами. Ужинъ окончился при полнѣйшемъ молчаніи. Люсьенна и Кардоба одиѣ под-держивали разговоръ, онѣ говорили о золотыхъ розсыпяхъ.

Около половины третьяго вышли. Три дамы принужденно простились со мною, ихъ посадили въ кареты.

Ильдеку всѣми силами хотѣлъ сопро-вождать меня.

—Остановись, мой милый, сказалъ Гюи, я отвезу madame.

Бѣдный румынскій графъ! Онъ имѣлъ такой меланхолическій видъ, что я позво-лила ему, сколько угодно, жать мои руки въ его. Оставшись одна съ Гюи въ его каретѣ, я устроила ему сцену. „Ты ни за что не убѣдишь меня, что это одинъ изъ вашихъ обычныхъ ужиновъ, то, что вы называете faire la nocе. Ты сказала этимъ тремя дуракамъ, кто я такая: это глупо! Я-бы такъ забавлялась“.

Онъ живо началъ защищаться. —Я даю тебѣ слово, что все наши маленькіе праздники походятъ на этотъ. Отъ времени до времени, споръ, нерв-ный припадокъ, вотъ и все, что въ нихъ есть, наиболѣе веселаго.

Ты видишь, какъ это забавно. Что дѣ-лать? Нужно какъ-нибудь проводить ве-чера.

—Но все-таки, онѣ не всегда такъ... приличны, эти дамы. Я предполагаю, что интимности...

—О,—возразилъ Гюи, улыбаясь,—ко-нечно, интимно—это другое дѣло. Лю-бовь, видишь-ли, для этихъ женщинъ, это ихъ бюро.

Миѣ показалось, что эти слова моего брата Гюи не были лишены глубины. Уже лежа въ кровати, я обсмѣкала ихъ и увѣряю тебя, милая Кошетта, что мои размысленія были крайне правдивы. Знаешь, что должно быть не весело любить по принужденію какого-нибудь Ильдеку, съ которымъ поужинаешь. Бѣдныя женщины! И сказать, что мы имъ иногда еще завидуемъ. Какъ я ихъ понимаю, хорошо поразмысливъ. Онѣ хо-тятъ играть въ честныя женщины, ко-гда онѣ отдыхаютъ, а мы,—другія, игра-емъ въ кокетокъ на провинціальной сво-бодѣ.

Я возвращаюсь въ Буржъ въ будущій

вторникъ, объяви это д'Экзилу, онъ рѣ-шительно лучше румынца.

Кстати о румынѣ, знаешь-ли? Сего-дня утромъ я открыла „Journal“ и вооб-рази, что я нашла въ „маленькой кор-респонденціи“.

„Молодой человѣкъ, черноглазый и бо-гатый, поужинавъ у Жозефа съ пре-дестной особой изъ Шателеро, умира-етъ отъ желанія снова видѣть ее. И.“

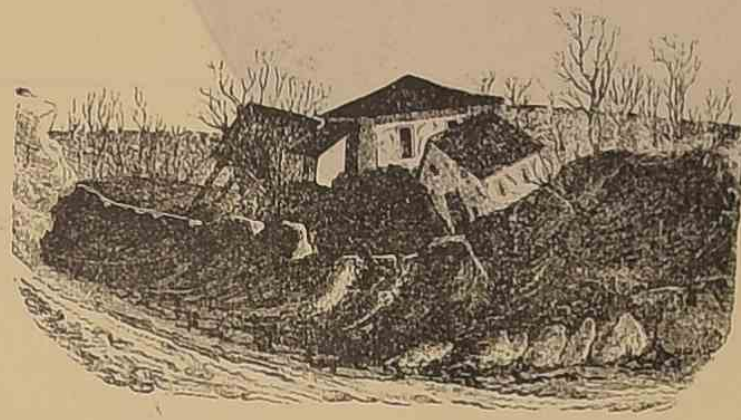
И—это Ильдеку. Итакъ, изъ насъ четырехъ—Фанни Ловъ, Кардоба, д'Ар-гензонъ и меня, я „овладѣла“ румынцемъ, я, любительница!

О, если-бъ мы только захотѣли, Ко-шетта: мы, для которыхъ это не есть бюро“, какъ говоритъ мой братъ Гюи!

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ ОДЕССЫ.

Мало фонтанскіе обвалы, въ послѣднее время вошедшіе въ моду, могутъ праздновать въ этомъ году свой 50-лѣтній юбилей. Еще въ 1848 г. Одесса была встревожена проваломъ мало-фонтан-ской дачи, о которомъ тогдашніе журналы повѣ-ствовали въ такихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ (цитируемъ дословно).

Новый провалъ близъ Одессы. Какъ ни успѣшно развитіе Одессы въ архитек-

Обвалившіеся дома.

турномъ и торговомъ отношеніяхъ, какъ ни опе-режаетъ она прибрежныхъ своихъ сверстниковъ—городовъ Эвксинскаго Понта, по проваламъ цѣлыхъ дачъ въ ея окрестностяхъ невольно приводить на мысль, что все временное подвержено раз-рушенію.

Великій поэтъ нѣкогда сказалъ: Троянскихъ стѣнъ верхи уже по раахъ лежатъ. И гдѣ Пріамъ судилъ, тамъ дикіи звѣри спятъ... Мы, люди, архитекторы, строители нашихъ

Выпаченна земля.

величавшихся и вѣчныхъ зданій, не подобны ли дѣтямъ, ставящимъ кегли? Время катитъ свой шаръ и разрушаетъ наши вѣковыя постройки. Февралю 26-го весь городъ былъ напуганъ быстро разнесшимся страшнымъ извѣстіемъ о про-валѣ приморской дачи Фонтана.

Не вѣря толкамъ, которые обыкновенно иска-жаютъ истину добавленіемъ и убавленіемъ, я

передаю подлинныя слова садовника этой дачи, на-ходившагося на мѣстѣ во время самаго пропе-шества.

Главное мѣсто обвала.

Рассказъ очевидца вѣрнѣе и надежнее разго-воровъ публики, правдоподобіе которыхъ требуетъ необходимо строгой повѣрки.

—25-го февралю, въ 9 час. вечера,—такъ рассказывалъ онъ,—пробудилъ меня необыкновенный шумъ, сопровождаемый трескомъ, гуломъ и порывами вѣтра. Испуган-ный, я всталъ и бросился бѣжать по дорогѣ на гору. Дорога была уже прѣсѣчена пропастью, отдѣляющею ее отъ материка, и попала въ нѣсколько саженъ противу перво-бытнаго своего уровня. Безъ всякаго сомнѣнія, это явленіе могло только еще болѣе перепугать меня; я перебѣжалъ на сѣдую дачу, успѣвъ выйти на гору и забѣжалъ къ

сосѣду-садовнику. Вѣтеръ продолжался съ силой, мы порывали до 3-хъ час. пополудни, буря, шумъ и этотъ страшный обвалъ казались предвѣсти-ками всемірнаго разрушенія. Однако-же къ утру все совершенно утихло, и мы могли разсмо-трѣть опустошенія.

Образовалось много пропастей; даже море у прибрежій высунуло наружу свое дно съ рыбою и большимъ количествомъ мидій.

Подобное-же явленіе своеюраніи природы было за нѣсколько лѣтъ предъ симъ по соседству на дачѣ генерала Кураса. Дачу эту осадилъ въ глубину и иско-веркала всѣ постройки.

Черезъ нѣсколько времени точно также осадилъ дачу г. Дерibasа, находящуюся на этомъ-же берегу. Обвалъ или осѣлъ этотъ прости-рался въ длину на 200 саж. Не смотря на это, садовныя деревья, до-роги и нѣкоторыя постройки не по-терпѣли никакого поврежденія. Только все было осажено, какъ будто осторожною механической силой.

При теперешнемъ обвалѣ всѣ вообще постройки несма ощутительно осадилъ ниже прежняго ихъ положенія, нѣкоторыя склонили на бокъ, другія-же совершенно разрушило.

Для отвращенія окончательнаго уничтоженія

Д. Писаревъ

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

(по поводу исполнившагося 4-го юля тридцатилѣтія со дня кончины).

М. Дельнасе,
министръ иностранныхъ дѣлъ.

М. Локруа,
морской министръ.

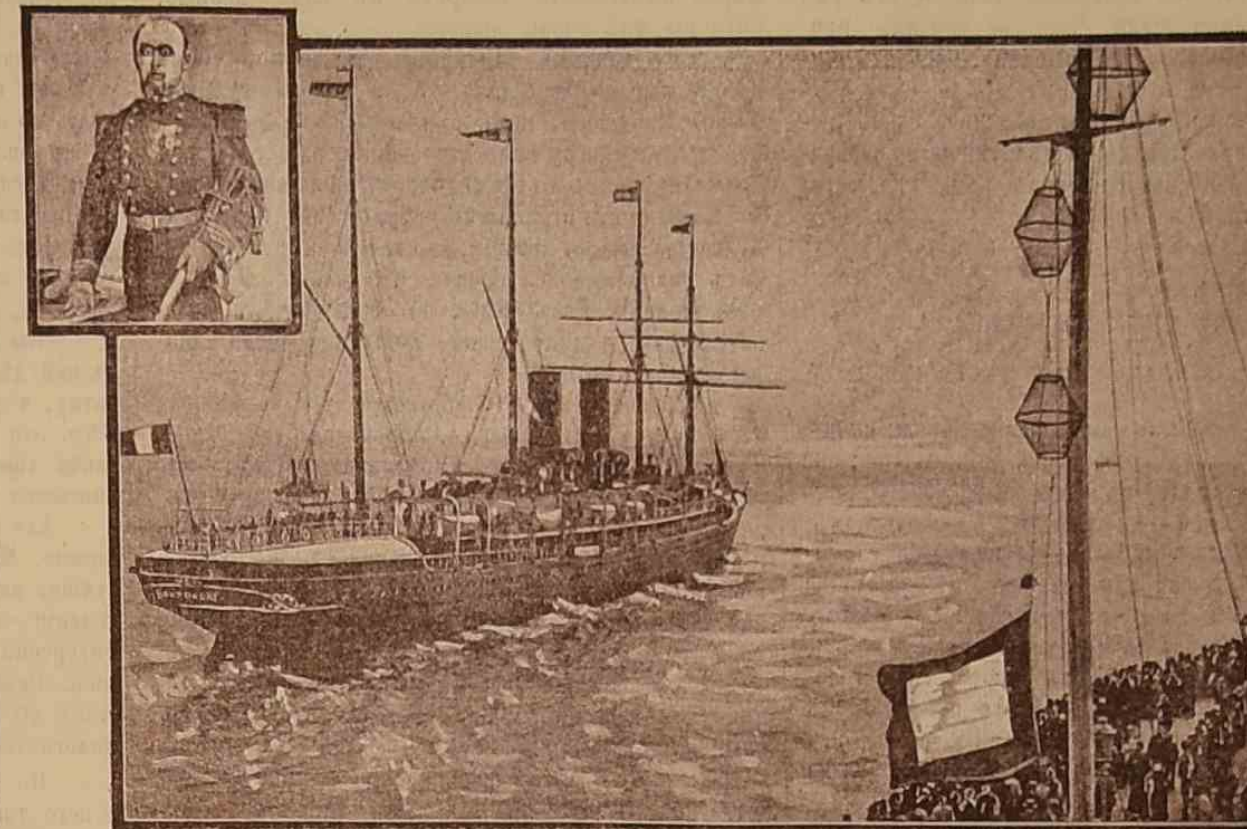
М. Трульо,
министръ колоній.

М. Вижэ,
министръ земледѣлія.

Новое министерство во Франціи.

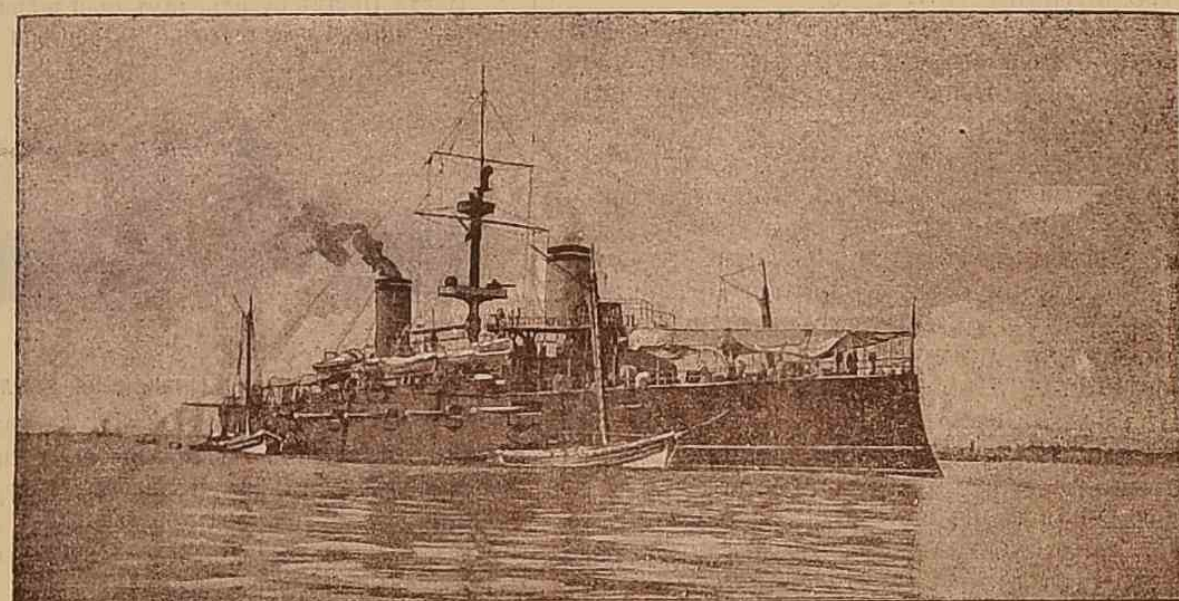
Капитанъ „Бургоннъ“
Долониль.

Пароходъ „Бургонъ“, погибшій близъ Галифакса.

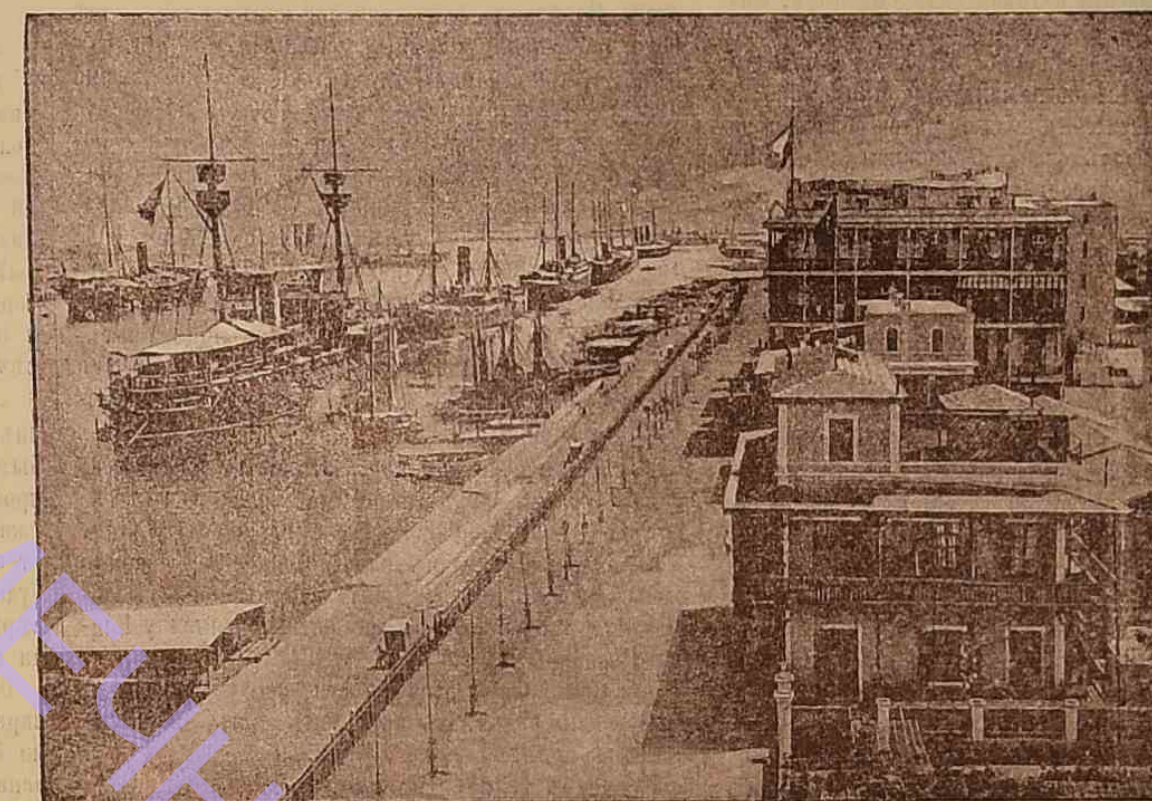
Эмиль Моро,
Командиръ испанскаго броненосца
„Cristobal Colon“

Испанскій броненосецъ „Cristobal Colon“, на которомъ былъ взятъ въ плѣнъ адмиралъ Сервера.

Адмиралъ Сервера, команд. испанск. эскадры,
уничтоженной при Сантъ-Йго.

Эскадра адмирала Камара, запасавшаяся углемъ въ Портъ-Сантъ.

Испанско-американская война.

их разбирают и в то же время, когда вы будете пробовать эту страничку, глядя на картинку, изображающую различные пункты пострадавшей местности, все постройки дадут уже слаженное с лица земли. Чего не кончили провал — необходимость предоставила окончить топор и лому.

Читателям нашим будет, конечно, очень любопытно также взглянуть на «картинки», изображающие мало-фонтанский провал 1848 г., и мы воспроизводим их здесь.

За взгляд красавицы.

(Набросок с натуры).

Повидимому, он был самый обыкновенный смертный, хотя с весьма симпатичной внешностью; она — чудная красавица. Он был одет просто, без всяких затей; она — с особенным изществом; он был человек с демократическими стремлениями; она большая аристократка. Все было за то, что она займет место в вагоне 1-го класса. На платформе собралась масса курортной публики; он за ней неустанно следила через все головы и плечи проходящих. Он с нетерпением ждал счастья стать рядом с ней у кассы; он жаждал знать, где она займет место, но она не поднималась.

— Не предложить ли ей своих услуг? — мелькнуло вдруг у него в голове.

— Но это выйдет как-то пошло — отбился он сам себя на свою мысль. Минуту 1^ю он боролся со своею нерешительностью: то уж совсем близко подойдет к ней с готовой фразой на устах, то эта фраза замереть, и он вдруг круто повернет, как бы в чем не бывало.

— Вот проклятое безделье воли — бьется он. Впрочем, и всегда ведь сам осуждал непрошенных кавалеров: действительно, есть что непристойное в их поведении. Однако у меня ведь самая чистая побуждения; я упиваюсь ее красотой. Нет, тут нет ничего дурного: предложу взять для нее билет, не может же она здесь толкаться и выжидать очереди! Кто это сказал, что красота великая сила. Кажется, Надсон. Конечно, это правда, но Надсон все-таки был восторженный юноша... Нет, не подойду; она Бог вестя за кого меня еще примет.

Он волновался, он весь поддался обаянию очаровательных глаз своей незнакомки. Его тянуло к ней точно магнетическая сила.

«Ни за что не подойду» — повторял он себя.

Наш герой ничего не замечая из того, что происходило вокруг; он не замечал, как в него в свою очередь впились глаза одной незнакомой дамы, заинтересованной его поведением.

Раздался первый звонок; это подвигнуло на его решительность; он точно ждал только этого звонка: он безозвучно рванулся с своего места и быстро направился к ней.

— Простите, сударыня, извините, но я не мог... я хотеть...

Он не договаривал.

— Да что вам угодно? — спросила дама.

Он поднял на нее свои растерянные глаза, но еще больше растерялся: перед ним действительно сидела дама, но совсем не она.

— Да, я... думал, что это вы...

Да, конечно, это я — расхохоталась дама.

Если не ошибаюсь, вы интересуетесь сейчас ушедшей отсюда особой — продолжала она с прощанием. Вы так упорно смотрели на нее, что даже обратили на себя мое внимание. Мне всегда казалось, что вы неспособны так увлекаться... Ведь вы ее не знаете, не правда ли?

— Нет, не знаю. Однако, странно, сударыня, вы почему не знаете, на что я способен? Вы меня, кажется, тоже не знаете. Я, по крайней мере, никак не говорю с вами впервые, хотя вы мне очень знакомы...

— Я — младшая Миланина — с достоинством произнесла молодая дама. А у вашей кузины, Елены Павловны, нам пришлось не мало и вас разбирать. Скажу вам откровенно, вас там изображали какими-то противными женщинами, меня же именно эта странность интересовала. Говорили, будто вы такого милого, что женщины красота вносят развращающее начало в жизнь. Так-ли вас поняли? Как видно, не совсем так, доказательств на лицо — только пошугала моя знакомая нашего героя.

— Неужели мои «очевидные» доказательства уж так убедительны? — попробовал он отнучиваться. — Право, Елена Павловна поссорит меня со всеми красивыми мирами. Seriously, она убеждена, что люди с такими понятиями и убеждениями как я, не могут увлекаться, не могут полюбить. На нас обрекается на какое-то особое монашество, к которому — скажу вам прямо — мы совсем не склонны...

— А я с ней совсем согласна — как-бы в пику заметила Миланина. — Есть же молодые люди, которые так заняты своими идеями, что им не до романов — с их которыми раздражением в то же продолжала она.

— Ну, простите меня, заговорил он серьезно; идеи тут не при чем. Всего доступны радости и волнения любви. Конечно, мы не умеем говорить галантных речей, не проходим науки ухаживания, а ведь это для женщины так много значит! Мы не можем простить, главным образом, моего полого осуждения тех людей, которые являются как-бы творцами трагических романов. По моему, это действительно большое частью люди без Бога и без веры. В жизни у них никаких интересов, кроме своего чувства, искусственно распаленного. Лопнул этот «любимый пузырь», остается пустота; они и пускают себя пулю из любви. На житейском языке это называется «жесткая пизда». Но что такое собственно «пизда»? Не звучит ли это пусто? Не может быть никакой пизды там, где есть прочная взаимная симпатия, а где их нет — так о чем же толковать? Не пизда здесь, а просто заблуждение. Знаете, по моему, в жизни бывает только три рода любви: любовь к справедливости, любовь к славе и, наконец, любовь к женщине. Вот этой последней любовью очень злоупотребляют. Самое святое чувство можно извратить.

— Можете быть, вы и правы — не берусь об этом теперь судить; но сознайтесь — ведь лицемерять же мужчины, когда уверяют нас, что ищут в женщинах прежде всего человека, человеческих достоинств?

— Я, конечно, не могу отнучаться за всех; думаю, однако, вряд ли найдется такой идеалист, который удовлетворился бы одними добродетелями.

— Так и передам Елене Павловне, — звонко засмеялась Миланина. Ищите ищите свою Венеру! Ну, прощайте, можете быть увидимся у Елены Павловны?

— При первой возможности зайду к ней и буду очень рад вас встретить там — вжливо ответил он.

Румянец залил ее лицо.

Наш герой едва успев взять билет, как поезд тронулся. Он вскопал в вагон и первой его мыслью было отыскать красавицу. Он обошел все вагоны 1-го и 2-го класса, — но напрасно. Наконец, сверх всяких ожиданий он ее

нашел в самом обыкновенном вагоне 3-го класса. Как это на нее не похоже — подумал он. Рядом с ней сидела девочка лет 12—14, вся в белом, бойкая и разговорчивая, vis à vis поместилась, очевидно, знакомый, — элегантный старик в белой фуражке с кокардой.

Наш герой приоткрыл в противоположном углу, по одной с ней линии: он видел только ее профиль и хотел бы пересечь, но не смел двинуться с места, точно наказанный. Он впился в нее глазами и не пропускал ни одного ее движения. Старик громко шутил и рассказывал какие-то анекдоты, видимо стараясь смутить свою даму.

— Вы замечали, Анна Васильевна, — обратилась к ней девочка полупрошеющим — папа уронил перчатку, а этот господин бросился поднимать ее? Видно это он для вас, Анна Васильевна. Вы такая хорошая! Глаза с вас не сводит, восхищается нами. Разв вы не замечаете?

— Ах ты болтушка болтушка — улыбнулась красавица. Мало ли кто на меня смотрит? Несмотря на то, какой несчастный мальчик в том отделе — ужасно! Хромает на оба ноги, видишь. Интересно знать, как это с ним случилось. Сейчас спрошу у отца его; должно быть отец его — этот (она указала взглядом на пожилого господина).

— Не спрашивайте у него, Анна Васильевна; у него такой странный вид — еще дерзость скажете. Ты совсем трусиха, Леля. Вот увидишь, как охотно он расскажет, еще длиннее наговорит — проговорил она с кокетливой самоуверенностью.

— Вы о чем там шепчетесь? — подошел к ним с вопросом вставший было с своего места старик.

— Мне ужасно хочется знать причину болезни этого мальчика, Иван Степанович. Потрудитесь навести справку — сказала она повелительно-шутливым тоном.

— А, понимаю! Подъ благодетельным предложением желаете познакомиться с молодым человеком. Извольте.

— Ничего не опасен! есть два неопасных возраста: слишком юный и слишком старый.

— Вы опять на мой счет, Анна Васильевна! — Ах, как здесь жарко, несносно! Она как будто искала прохлады.

Наш герой, понушив тайному велению, бросился раскрывать окно. Девочка тотчас об этом доложила. Как он был благодарен этой девочке! Благодаря ей он знает ее имя, благодаря ей он знает ее адрес; наконец, благодаря ей она знает о его существовании. Он глотал как-то звук; ее металлический голос, точно серебряные колокольчики, раздавался в его ушах и проникал ему в душу. Он слушал бы ее вечно.

— Боже, неужели я для нее ничто — думал он. Хотел бы подарить одним взглядом. Нет, быть не может! Ведь она отлично знает, какое производить на меня впечатление. Зачем же это ужасное, кокетливое безсердечие! Ну, что бы ей стоило мне сказать что-нибудь. Подойди кто-нибудь другой с ненужными вопросами — а бы на верное возмущался. А вот ей готов ответить на все, всю душу раскрыть!

Он совсем замечтался. Поезд несся на всех парах и приближался к станции, где ему нужно было уже сойти. Дорога была плотно уставлена по обе стороны товарными вагонами, из которых торчали крики и подосы желва. Он стоял, как вкопанный, у окна, далеко высунув локоть. Это была самая удобная наблюдательная поза.

Контролер отбирал билеты у пассажиров и

уже готов был подойти к нему, как тот вдруг застыл: ему захватило локоть и раздробила кость; он упал в безчувственном состоянии. Все засуетилось вокруг него, она была тут же. Ему была подана медицинская помощь, и когда он пришел немного к себе, то встретил на себе ее ласковый взгляд. Он был счастлив.

— Скажите, какая ужасная неосторожность — обратился контролер к старику, как к самому почтенному пассажиру. Он нагнулся и поднял билет 1-го класса. А ведь это билет — этого пострадавшего господина — продолжал он. Вот уж сила судьбы — точно на грех притаилось его сидеть. Очень возможно, что в 1-м классе он избрал бы этого несчастия.

Она покраснела.

Н — ий.

Абиссинское посольство.

В Париж находится в настоящее время абиссинское посольство, прибывшее туда чтобы выразить от имени Менелика дружеские чувства президенту Французской республики. Во главе посольства находится три члена фамилии негуса: принц Вольди Впру и генерал Надо, один из самых важных придворных чинов. Кроме этих высокопоставленных лиц, в состав посольства входят еще 15 человек.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Самозванцы под именем принца Рудольфа. В Венгрии и Буковине престолонаследники впрямь слышат шум, который народ охотно впрямь, является слух о том, что бывший наследник австрийского престола, принц Рудольф не умер, но что он бегал от козней павлов и что вскоре явится, чтобы спасти простоту народ от его беззастенчивого положения. Несколько времени тому назад, из Буковины действительно появился мнимый принц Рудольф и стал проповедывать собиравшимся около него крестьянам, что он явился с непреклонным решением изгнать евреев, отменить подати и т. д. В народной толпе, слушавшей мнимого принца Рудольфа, оказалось два жандарма, которые, когда самозванец кончил свою речь, арестовали его, но возмущенный этим народ бросился на жандармов и силой освободил от них арестованного. Вследствие этого 62 крестьянина были отпущены под суд, который 20 из них освободил от обвинений, а 42 приговорил к заключению в тюрьму от 3 дней до 5 месяцев. Что касается мнимого принца Рудольфа, то он по словам корреспондента львовской газеты „Przegląd“, оказался батраком из деревни Стожаники, Галиции. Он теперь уже заключен в тюрьму, за возбуждение крестьян против евреев и павлов.

В какой каретке едет Вильгельм II. В Берлине циркулирует теперь следующая рассказ о Вильгельме II. На днях ему показывали рисунок нового электрообита в вид легкой коляски, очень удобной для передвижений. Императору она чрезвычайно понравилась, и он уже выразил желание заказать для себя такую коляску, но когда он спросил, чей это фабрика, и ему назвали английской завод, он отложил в сторону рисунок и произнес: „Я езжу только в немецкой каретке“.

Испанский король в настоящее время, по случаю возобновившей войны, служит предметом всеобщего интереса. Первый лист его жизни, сообщая „Berliner Local Anzeiger“, доставил не мало забот его матери, так как состояние здоровья маленького короля постоянно внушало серьезные опасения. Мало-по-малу, однако он окреп и на шестой год в день его рождения, ему уже можно было подарить лошадь; он научился ходить верхом, и с этих пор началось серьезное его воспитание. Испания приходила в восторг, когда видели его катающиеся по пруду в белой кружевной блузке, из которой выглядывала его темная курчавая головка. Очень мило бывало также, когда он еще четырехлетним ребенком появлялся на балконе, хлопая в ладоши и крича: „Вместе с приветствованиями от народа!“ „Да здравствует король!“

Раз король признал скульптора, что бы тот назвал статую короля. Внезапно раздалась музыка дворного караула: маленький Альфонс подбежал к окну. Он отдал честь и сказал скульптору: „Вот таким образом я представляю себя, но только с большими усами“.

Его воспитание внушило ему сильную любовь ко всему военному. Когда ему исполнилось десять лет, испанская армия поднесла ему почетную саблю превосходной работы толезских мастеров. Когда окончилась праздничная и церемония аудиенции, король начал читать по детской выразительное свое удовольствие. Королева-регентна спросила его, чего он желал бы себе еще. Тогда маленький Альфонс кинулся к своей матери и воскликнул: „Ах, мамита, начини поскорее войну!“

Теперь одиннадцатилетнему королю действительно приходится переживать войну. Он, говорят, внимательно следит за ней. Недавно однако он сказал с очень довольным видом: „Хорошо, что я только мальчик, а не король!“

Живное заспиртованное человечье. Во всех французских журналах последнее время много писали об одном парижанине, которого уже похоронили, но принуждены были вырыть, так как один из присутствовавших на похоронах заявил, что у этого покойника мягкое тело и розовая щека. Он долгое время пролежал в часовне не окисля, но вместе с тем и не разлагался. При жизни этот покойник был горький пьяница. Весь пропитанный асептозом, коньяком и другими крепкими напитками, как бы набабализированный, этот несчастный не живой, но мертвый, долго жалел погребения. Доктор Гонзал указывал, что случаи пропитывания алкоголем органов у живых людей, имеющих много спиртных напитков, не представляется редкостью.

Применение телефонов в подводных работах. В Балтике, в Соединенных Штатах, недавно был произведен опыт с применением телефона к подводным работам. Этот опыт производился с подводной лодки, принадлежащей компании гидрографических работ „Лэка“, и удался, как нельзя лучше. Лэка соединил свою контору с подводной лодкой посредством телефонной проволоки и затем переговоры с находящимися в лодке людьми послы погружения лодки в воду до самого морского дна. В заключение опытов, Лэка, опустившись на дно в той же подводной лодке, переговорившись оттуда с начальником телефонной станции в Вашингтоне. Проволока для подводного телефона должна быть заключена в непроницаемую для воды оболочку. Лэка предполагает применить подводный телефон к производству предпринимавших им работ по потягиванию затонувшего плавучего тела тому виду, для устья реки Потомак, купеческого парохода „Express“. Эти опыты указывают на возможность применения подводного телеграфирования при различных гидротехнических работах на дне моря.

Американская реклама. Реклама всюду начинает принимать самые широкие размеры и часто проявляется в самой беззастенчивой форме. По нигде, кажется, не доходит она до такой экстремальности и даже пагубности, как в Соединенных Штатах. Американский журналист, Мак-Говерн, напечатал любопытное исследование о том, как его соотечественники понимают глаголы. В числе многих характерных фактов он рассказывает следующий случай.

Актёр, по имени Генрих Мюллер, только что приглашенный на сцену нью-йоркского театра „Garden-Teatre“, получил вскоре по своему прибытии в город письмо следующего содержания:

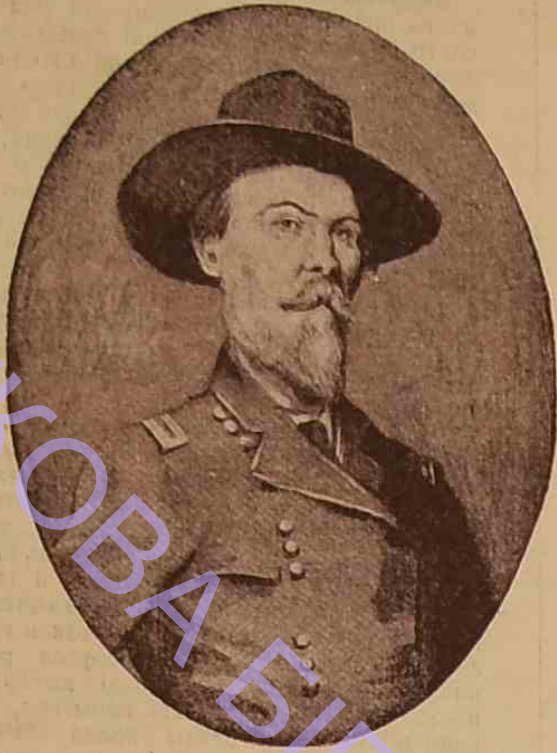
„М. г.! Возьмите безбоязненно, что в наши дни у актёра, главным образом, зависит не от его таланта, а от рекламы. В виду нашего предстоящего дебюта на сцене этого театра, для нас может быть, было бы полезно предпринять призыв к себе внимание публики, и для достижения этой цели я могу предложить вам вкратце следующее. Если вы пожелаете, то пошлите к нам заберутся разбойники и произведут несколько выстрелов, после чего они поспешат скрыться, оставив после себя следы крови на полу. „New-York-Herald“ и прочие утренние газеты немедленно предадут гласности это событие, и в тот же день наше имя облетит весь город. Мы берем на себя предоставить к нам этих разбойников, но это будет стоить нам сто долларов. Примите или прочт.“

Вместо подписи стояло: „Имперское общество печати, обращающее в центральный почтамт до востребования“.

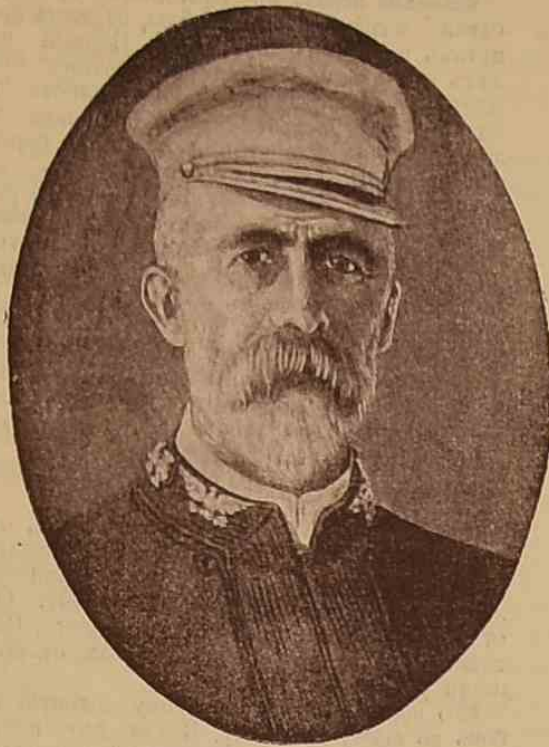
Король Тоффа. Парижские газеты сообщают о предстоящем прибытии в Париж африканского короля Тоффы, повелителя Порта-Ною. Несколько времени тому назад один путешественник по Африке, Hughes Laribe, посетил этого короля. Последний очень любезно принял путешественника, тем более, что тот послал ему зарплате несколько бутылок шампанского. Цвет лица у этого короля совершенно черный. На голове у него была надета генеральская шапка, и от волос лишь его покрывало платом, ткань которого была украшена яркими изображениями луны. По африканскому обычаю он, когда шел, покрывал себя платом и покрывал им себя лицо, лишь же он почти безпримечательно. Сидящий король Тоффа на кровати с балдахном, украшенным парисованной на нем короной и его вензелем. Этот трон стоял на диване, покрытом соломой. Перед дверью сидела на стуле женщина безобразная обаяния фетиш. Король был окружен министрами, стоявшими в продолжение всей аудиенции на коленях. Тоффа тотчас же заметил, что у Ларибе были надеты закрывающие сапоги. Ларибе эта обувь привлекла его внимание, и он не мог отвести от них глаз. „Я хочу это“, лаконически выразился король. Постытели сдвинули единственное, что он мог сдвинуть при подобных условиях. Он достал кусок бумаги из кармана, нарисовал на ней отпечаток королевской ноги и обещал королю прислать для него таких лаковых сапогов, чья бы только остался очень доволен.

Новый способ передвижения. Перевозка небольших грузов на трехколесных велосипедных тележках уже давно обшлась. Но вот на днях появился в Риге велосипед, который, буди на велосипед особую конструкцию, возит за собою цепную двухколесную тележку с пассажирами. Передвижение происходит довольно быстро.

Величайший дом. В Вильне, в предместьях Вильны, находится, вероятно, самый большой дом в мире. В нем не менее 1400 комнат, составляющих 400 квартир, от 3 до 6 комнат в каждой. В настоящее время в нем живут 2112 человек.

Генераль Вейлеръ.

Адмираль Сампсонъ.

Генераль Шафтеръ.

ГЕРОИ ПОБѢДЫ ПРИ САНТЬ-ЯГО.

Николай Георгіевичъ Сверчнѣ, профес. академіи художествъ. † 25 іюня 1898 г.

Юлій Баронъ, извѣстный ученый, юристъ † 9 іюня 1898 г.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ

Генераль Биру.

Принцъ Вольди.

Генераль Надо.

Абиссинское посольство въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. Одесса, 4 го іюля 1898 года.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.

Редакторъ Е. В. Васьковскій.